

УДК 572.027

DOI: 10.17223/2312461X/19/3

БЕДНЯК, БОГАЧ, БИГМЕН, ВОЖДЬ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТИПЫ В МЕЛАНЕЗИИ И ПОЛИНЕЗИИ*

Маршалл Д. Салинс

Аннотация. Вниманию читателей предлагается перевод одного из самых известных и влиятельных текстов по политической антропологии – статьи М. Салинса «Бедняк, богач, бигмен, вождь: политические типы в Меланезии и Полинезии» (1963). На материале Океании автор описывает две «идеально-типические» формы лидерства, олицетворяемые фигурами меланезийского «бигмена» и полинезийского «вождя».

Ключевые слова: политическая антропология, неозволюционизм, бигмен, вожество, Океания

Целая череда экспериментов по культурной адаптации и эволюционному развитию – таков щедрый научный подарок, который туземные народы островов Тихого океана, сами о том не подозревая, преподносят антропологам. Они сформировали свои институты в границах бесплодных коралловых атоллов и распространили их на вулканические острова; создали, опираясь на отпущенные им историей средства, культуры,

---

* Настоящая статья предвзвешивает более широкое и детальное сравнение меланезийских и полинезийских политик и экономик. Здесь я только кратко обобщаю некоторые из наиболее выдающихся различий политических систем в этих двух регионах. Полное исследование – которое, кстати, будет включать большее количество данных – обещано редакторам *The Journal of the Polynesian Society*, и я намерен в свое время его предоставить. Сравнительный метод, используемый в данном исследовании, представляет собой чтение монографий и создание выписок. Не думаю, что я – родоначальник этого метода, но я хочу окрестить его методом неконтролируемого сравнения. Описание двух форм лидерства – кристаллизация результатов данного метода. Эти две формы – абстрагированные социологические типы. Каждый, кто хорошо знаком с антропологической литературой по Южно-Тихоокеанскому региону, знает, что существуют важные варианты типов, так же как и особые случаи, представленные здесь не полностью. Несомненно, что анализ вариаций и исключений необходим и желателен. Однако есть также удовольствие и своего рода интеллектуальное вознаграждение в открытии общих закономерностей. Для (социально-) научного оправдания своего удовольствия я мог бы сослаться на представленные здесь портреты меланезийских бигменов и полинезийских вождей как на «модели» или «идеальные типы». Если это все, что нужно для того, чтобы придать респектабельность работе, пусть читатель воспримет ее так. Надеюсь, вышесказанное было в достаточной степени обезоруживающим. Или нужно еще добавить, что гипотезы предвзвешиваются и необходимо дальнейшее исследование, etc.?

приспособленные к пустыням Австралии, горам и теплым побережьям Новой Гвинеи, тропическим лесам Соломоновых островов. Едва ли не каждая фаза прогресса примитивной культуры представлена здесь: от австралийских аборигенов, охотничье-собираТЕЛЬский уклад которых в целом аналогичен культуре позднего палеолита – до великих гавайских вожеств, где общество приблизилось к уровню древних цивилизаций Плодородного полумесяца.

Там, где культура ставит такие эксперименты, антропология находит свои лаборатории и делает сравнения¹.

В южной и восточной частях Тихого океана лежат две резко различающиеся культурные провинции, давно привлекавшие интерес антропологов: *Меланезия*, включающая Новую Гвинею, острова Бисмарка, Соломоновы острова и группы островов к востоку от Фиджи; и *Полинезия*, состоящая главным образом из «треугольника» территорий между Новой Зеландией, островом Пасхи и Гавайскими островами. На Фиджи и на прилегающей территории Меланезия и Полинезия культурно интегрированы, но к западу и востоку от их пересечения две эти провинции разительно отличаются в нескольких отношениях: религии, искусстве, системах родства, экономике, политической организации. Различия тем более заметны, что проистекают из первоначальной схожести. И Меланезия, и Полинезия – сельскохозяйственные регионы, где с незапамятных времен многие из общих культур (таких как ямс, таро, хлебное дерево, бананы и кокосы) культивируются сходными способами. Недавние лингвистические и археологические исследования показывают, что полинезийские культуры зародились в восточномеланезийском очаге в течение первого тысячелетия до нашей эры². Однако в антропологические анналы полинезийцам было суждено войти благодаря своим развитым формам иерархии и вождеской организации, в то время как большинство меланезийских обществ остановились в этом аспекте на куда менее продвинутом уровне.

Очевидно, однако, что сопоставление в столь широких культурно-географических категориях не может претендовать на точность. В рамках Полинезии определенные острова, такие как Гавайи, Острова Общества и Тонга, развили беспрецедентные политические импульсы. И, с другой стороны, эволюция не всех меланезийских политий была прервана. На Новой Гвинее и близлежащих территориях Западной Меланезии существует множество небольших слабо организованных политических группирований, однако, к примеру, Восточная Меланезия, Новая Каледония и Фиджи вполне приближаются к полинезийскому состоянию политического развития. Его уровень повышается по мере продвижения с запада на восток скорее постепенно, нежели скачкообразно³. Очень показательны, тем не менее, сравнение крайностей: неразвитой Западной Меланезии и крупных полинезийских вожеств.

Не исчерпывая все эволюционные вариации, оно в то же время отчетливо демонстрирует пределы политического развития в рамках семейства тихоокеанских культур.

Контраст между развитой Полинезией и недоразвитой Меланезией ощутим во многих аспектах, но в первую очередь поражает различие в масштабах. Ян Хогбин и Камилла Веджвуд, обобщив материалы по обществам Меланезии (преимущественно западной), пришли к выводу о том, что организованные независимые политические образования в регионе насчитывают, как правило, от 70 до 300 человек. Более современные исследования Центрального хребта Новой Гвинеи указывают на факт существования политических группировок численностью до тысячи, изредка – до нескольких тысяч человек⁴. Но в Полинезии обыденны политические образования [sovereignties] с населением в две-три тысячи человек, а наиболее развитые вожества, такие как на Тонге и Гавайях, могут достигать десяти и даже десятков тысяч человек⁵. По мере увеличения численности населения политики растут и площадь занимаемой ею территории: от нескольких квадратных миль в Западной Меланезии до десятков или даже сотен квадратных миль в Полинезии.

Такое превосходство Полинезии в политическом масштабе опирается на более развитую, чем в Меланезии, политическую структуру. Меланезия демонстрирует большое разнообразие социально-политических форм: здесь встречаются политические организации, как основанные на патрилинейных десцентных группах, так и базирующиеся на когнатных группах, мужских домах, включающих в себя жителей окрестностей, секретных церемониальных обществах или даже на комбинации названных принципов. Однако за всем этим разнообразием все же просматривается общая структура. Характерное для Западной Меланезии «племя» (т.е. культурно-этническая единица) состоит из множества автономных родственно-резидентных групп, соответствующих на местности маленькой деревне или кластеру деревенок. Они организованы одинаковым образом, каждая имеет тенденцию к экономической самодостаточности, политический статус у всех одинаков. Структура племени сегментарна: она представляет собой политически неинтегрированные сегменты. Полинезийская же политическая геометрия пирамидальна. В Полинезии локальные группы уровня самоуправляющихся меланезийских местечек предстают частями политического целого более высокого уровня. Меньшие единицы интегрированы в более крупные посредством системы межгруппового ранжирования. Сеть вождей, представляющих «подразделения», составляет координирующую политическую структуру. Таким образом, в отличие от меланезийского устройства – мелких, разрозненных и равноправных политических блоков, полинезийская политика представляет собой обширную пирамиду групп, возглавляемую семьей и последователями верховного вождя.

(Такой итог политического развития часто, хотя и не всегда, облегчается формированием ранжированных линиджей. Они именуются по-разному: *конический клан* (Кирхгофф), *рэмидж* (Фирт), *статусный линидж* (Гольдман) и имеют принципиальное сходство с так называемой системой *обок*, широко распространенной в Центральной Азии. Полинезийский ранжированный линидж отчасти аналогичен шотландским и китайским кланам, некоторым линиджным системам центральноафриканских Банту, домовым общинам индейцев северо-западного побережья и, возможно, даже «племенам» израильтян⁶. Его отличительной особенностью является то, что лица десцентной группы ранжируются в соответствии с генеалогическим расстоянием от общего предка. В соответствии с этим принципом линии одной группы становятся «старшими» и «младшими» ветвями. Родственные корпоративные линиджи также ранжированы исходя из принципа генеалогического приоритета.)

Перейдем к следующему критерию полинезийского политического превосходства – историческим свершениям. Почти все туземные народы Южно-Тихоокеанского региона подверглись сильному культурному давлению европейцев в конце XVIII и XIX столетии. При этом только гавайцы, таитяницы, тонганцы и (в меньшей степени) фиджийцы смогли успешно защититься, развив – в противовес европейцам – туземные государства. Эти государства XIX в., располагавшие правительствами и монархами, министрами и миньонами, а также налоговыми системами – свидетельство политического гения полинезийцев, уровня и потенциала туземного политического творчества.

В тесной связи с этими значительными различиями – в политическом масштабе, структуре, исторических свершениях – находится более «личностный» контраст: различие в характере лидерства. В условиях меланезийской неразвитости на политической сцене появляется особый типаж лидера – бигмен [big-man], как его называют. Другой тип – вождь в собственном смысле – присущ более «продвинутой» политической системе Полинезии⁷. Это два разных социологических типа. Различия в полномочиях, привилегиях, правах, ответственности и обязанностях меланезийского бигмена и полинезийского вождя определены несходством социальных контекстов, в которых они действуют. Однако институциональные различия не могут не проявляться в стиле поведения, характере, внешности и манерах – одним словом, в личных качествах. Хорошо бы предварить строгое социологическое сравнение институтов лидерства более выразительной зарисовкой контрастов на уровне «человеческого измерения». Мне видится полезным использовать образы (или карикатуры?), взятые из нашей истории – хотя это, конечно, не слишком справедливо, принимая во внимание несопоставимость исторических контекстов. Меланезийский бигмен – чистый буржуа, столь напоминающий предпринимателя-индивидуалиста из

нашего собственного прошлого. Он сочетает показной интерес к всеобщему благосостоянию с куда более глубоким корыстным интересом и экономическим расчетом. Он неизменно, как сказал бы Веблен, стремится воспользоваться случаем. Всякое его общественное деяние расчитано на эпатажное соревнование с другими; на то, чтобы показать свое превосходство над массами – продемонстрировать положение, которого он добился собственными усилиями. Полинезийскому же вождю соответствует скорее «феодальный», чем «капиталистический» образ. У него почти королевские привычки и облик. Можно сказать, что он *и есть* «большой человек» [big man]: «Ты что, не видишь, что он вождь? Смотри, какой он большой!»⁸. Любое его публичное действие показывает утонченность породы; его манеры всегда свидетельствуют о *noblesse oblige* знатного происхождения и о непререкаемом праве повелевать. В его положении, полученном по праву рождения, а не благодаря личным заслугам, он может позволить себе – и позволяет – быть вождем во всем.

В нескольких меланезийских племенах, в которых бигмены становились предметом пристального антропологического исследования, контуры их личной власти видоизменяются в зависимости от местных культурных условий⁹. Но главная черта господства [authority] бигменов всюду одинакова: это личная власть [personal power]. Бигмены не занимают уже существующих руководящих постов, на которые они могли бы быть назначенными или которые могли бы унаследовать. Статус бигмена скорее достигается в результате действий, которые возвышают человека над общей массой и собирают вокруг него приверженцев из числа более слабых [lesser men]. Некорректно говорить о «бигмене» как о политическом титуле, потому что это не более чем признанное положение в межличностных отношениях – «принц среди людей» [prince among men], так сказать, а не «принц Датский». В конкретных меланезийских племенах наряду с термином «бигмен» могут использоваться и другие: «важный человек» [man of importance] и «знаменитый человек» [man of renown], «щедрый богач» [generous rich-man] или «центральный человек» [center man].

Эти определения подразумевают некую двойственность власти, разделение сферы влияния бигмена на две различные области. Так, словосочетание «центральный человек» отсылает к группе людей, собравшихся вокруг влиятельного центра. В социальном плане это означает разделение племени на политические группы, возглавляемые выдающимися личностями. Для группы бигмен предстает следующим образом:

«Позиция лидера в местной группе <в Северной Малаите> вполне определяется его титулом, который может быть переведен как “центральный человек”... Он был как баньян, – объясняют туземцы, – который пусть и самое большое и высокое дерево в лесу, но все-таки оста-

ется деревом, как и остальные. Но, поскольку он превосходит размерами все прочие деревья, на нем висит больше лиан, он дает больше пищи для птиц и лучше защищает от дождя и солнца»¹⁰.

Словосочетание же «знаменитый человек» предполагает более широкую сферу деятельности в рамках племени, где он предстает не столько лидером, сколько героем. В этом качестве он воспринимается и вне своей группы, это – его статус во многих, если не во всех, племенных политических единицах. Сфера политической деятельности бигмена делится на две части: во-первых, сравнительно небольшую внутреннюю область, которую образуют его приверженцы (редко насчитывающие более 80 человек); во-вторых – гораздо большую внешнюю область, состоящую из множества похожих объединений.

При переходе от внутренней области к внешней власть бигмена претерпевает качественное изменение. В рамках своей группы [faction] он располагает действительной возможностью повелевать, вне ее – лишь славой и косвенным влиянием. Разумеется, «центральный человек» не управляет своей группой при помощи физической силы; его последователи, однако, чувствуют себя обязанными подчиняться ему. Обычно он может добиться желаемого своим разглагольствованием [haranguing]. Публичные уговоры настолько часто используются «центральными людьми», что их прозвали «разглагольствующими» [harangue-utans]. Представители же других групп следуют указаниям своих «центральных людей». «Сам делай! Я не *твой* дурак», – вот что обычно слышит «центральный человек» в ответ на свой приказ представителю другой группы среди Siuai¹¹. Такая фрагментация действительной власти [true authority] создает специфические политические трудности: в частности, при необходимости организовать большое количество людей для участия в войне или церемонии. Бигмену удается мобилизовать широкий круг людей, только достигнув широкой известности и наладив отношения принуждения или взаимности с другими «центральными людьми».

Политика в этих меланезийских обществах остается по большей части персональным делом [personal politiking], и размер группы, а также известность лидера обычно определяются его соперничеством с другими амбициозными людьми. Власть лидера лишь в незначительной степени является (или вовсе не является) следствием социальной предписанности [social ascription]: к лидерству ведет создание группы последователей. «Последователи», как написано о новогвинейском племени Карауки, «находятся в разных отношениях с лидером. Подчинение его решениям в каждом конкретном случае определяется этими взаимоотношениями»¹². Таким образом, человек должен быть готовым продемонстрировать, что он располагает способностями, которые вызывают уважение: магическим даром, умением вести хозяйство, ораторским мастерством, возможно – храбростью на поле боя¹³. Обычно решающее

значение имеет приложение сил в определенном направлении: накоплении ценностей (чаще всего – свиней), ракушечных денег, растительной пищи и распределении этого богатства таким образом, чтобы прослыть если не соперничающим, то хотя бы щедрым. Группа создается посредством неформальной частной помощи людям, живущим по соседству. Племенной ранг и известность создаются благодаря широким публичным раздачам, которые спонсируются набирающим силу бигменом – зачастую как от лица своей группы, так и лично от себя. В разных меланезийских племенах публичное распределение, направленное на приобретение популярности, может принимать формы: отложенного обмена свиньями между корпоративными родственными группами; выплат за невесту; серии пиров по случаю возведения дома (для самого бигмена или «клубной постройки» для него и группы) или приобретения более высокого ранга в тайном обществе; спонсирования религиозных церемоний; выплат субсидий и кровных компенсаций союзникам [payment of subsidies and blood compensations to military allies]; раздача также может играть роль церемониального соревнования с другим лидером в стремлении передарить и таким образом занять более высокое место в иерархии (потлач).

Однако бигменом становятся в первую очередь благодаря созданию группы последователей. Прежде всего необходимо наладить отношения верности и обязательств с множеством людей, с тем чтобы их ресурсы могли быть мобилизованы для раздач, которые, в свою очередь, создают известность за пределами группы. Чем больше группа бигмена, тем значительнее его известность. Когда раздачи достигают определенных масштабов, становится верным и обратное. Любой амбициозный человек, который способен собрать последователей, может начать общественную карьеру. Начинаящий бигмен непременно зависит от небольшой группы, в основном состоящей из его домочадцев и ближайших родственников. Над этими людьми он может экономически доминировать: он извлекает выгоду в первую очередь из родственных обязательств, а также играя на отношениях взаимности, принятых между ближними родственниками. Поначалу часто возникает необходимость расширить круг своих домочадцев. Растущий лидер делает все возможное, чтобы включить в свою семью людей, у которых нет семейной поддержки, таких как вдовы и сироты. Особенно полезны дополнительные жены. Чем больше жен у человека, тем больше у него свиней. Зависимость здесь функциональна, а не непосредственна. Чем больше женщин работает в огороде, тем больше будет собрано корма для свиней, и тем больше будет стадо. Папуас Kīwai красочно описывает антропологу на пиджине преимущества, экономические и политические, полигамии: «Другая женщина работает в огороде, другая женщина идет за дровами, другая женщина ловит рыбу, другая женщина готовит

ему – муж созывает множество людей прийти *kaikai* (т.е. поесть)»¹⁴. Каждая новая женитьба создает для бигмена дополнительный набор родственников, у которых он может требовать экономические услуги. В конце концов, карьерный рост лидера происходит тогда, когда он может присоединить других людей и их семьи к своей группе, используя их производство для удовлетворения своих амбиций. Это делается посредством расчётливой щедрости; помогая человеку в чем-то важном, бигмен может рассчитывать на его благодарность и чувство долга. Наиболее распространенный метод – выплата выкупа за невесту от лица молодых людей, ищущих жен.

Великий Малиновский, анализируя политическую экономию примитивного общества, использовал фразу, которая очень удачно описывает, что именно делает бигмен: накопление «фонда власти». Созданные бигменом социальные отношения позволяют ему воздействовать на чужое производство и дают ему возможность выкачивать прибавочный продукт – а иногда в интересах этого «выкачивания» он может даже урезать потребление *других*. И пусть внимание бигмена сосредоточено в основном на краткосрочных личных выгодах – если взглянуть объективно, его действия служат и долгосрочным общественным интересам. Фонд власти обеспечивает деятельность, которая включает и другие группы общества в целом. Если взглянуть шире, с точки зрения общества в целом, бигмен – незаменимое средство создания надлокальной организации. В племенах, обычно фрагментированных на маленькие независимые группы, бигмен расширяет, хотя бы временно, сферы церемоний, развлечений и искусств, экономического взаимодействия и сферу войны. Эта более широкая социальная организация всегда зависит от меньшей – групповой, в частности, от потолка экономической мобилизации, который определен отношениями между «центральным человеком» и его последователями. Ограничения и слабости политического порядка в целом – это ограничения и слабости такого рода малых групп [factional in-groups].

Серьезной слабостью групповой структуры является персональный характер подчинения «центральному человеку». Необходимо создавать и постоянно укреплять личную лояльность; в случае недовольства вполне может последовать разрыв. Уже одно создание группы требует времени и сил, а поддержание ее целостности – еще больших усилий. Потенциальный разрыв личностных связей в цепи групп [factional chain] лежит в основе двух главных эволюционных дефектов западно-меланезийских политических порядков. Во-первых, сравнительная нестабильность. Изменчивость положения и привлекательности амбициозных людей в регионе может породить флуктуации в группах, возможно – пересечения групп, а также повлиять на репутацию лидеров. Смерть «центрального человека» может стать травмой для региона: она

подрывает основанную на персональных связях группу. Группа распадается, полностью или частично, и люди в конце концов собираются вокруг новых восходящих бигменов. Хотя определенные племенные структуры на местах смягчают процесс дезорганизации, политическая система бигменов в целом нестабильна в краткосрочной перспективе. На уровне суперструктуры она представляет собой череду постоянно сменяющих друг друга лидеров, субструктуры – растущие и уменьшающиеся группы. Во-вторых, личностный характер политических связей играет роль в сдерживании эволюционного развития. Ясно, что перспектива потерять последователей часто ограничивает возможность лидера заставить их увеличивать производство и тем самым препятствует развитию политической организации, но это еще не вся проблема. Возрастающее стремление бигмена к максимальной известности, вероятно, обнажит противоречие в его отношениях с последователями: стимулирование производства приведет к дезертирству или, того хуже, к эгалитаристскому восстанию.

Одна сторона меланезийского противоречия состоит в исходной экономической реципрокности между центральным человеком и его последователями. Помощью они отвечают на помощь, за свои продукты, отданные вовне посредством центрального человека, получают другие продукты (зачастую из других групп), поступающие тем же путем. С другой стороны, нарастающее стремление «центрального человека» к известности вынуждает его прибегать к экономическому вымогательству у своей группы. Важно заметить, что не один только его личный статус, но и положение, а возможно, и военная безопасность его людей зависят от достижений бигмена в публичном распределении. Утвердившись во главе значительной группы, «центральный человек» вынужден во всё большей степени изымать продукты у своих последователей, задерживать причитающиеся реципрокации и перенаправлять поступающие продукты обратно за пределы группы. Успех в конкуренции с другими бигменами особенно подрывает внутригрупповую реципрокность: он измеряется именно способностью отдать больше, чем в принципе могут вернуть. В хорошо оформленных бигменских политиях лидеры отказываются от взаимных обязательств, на которых была построена группа. Заменяя взаимность односторонним изъятием продукта, они должны убедить своих людей «питаться славой лидера» (как говорят в одной из групп на Соломоновых островах) в обмен на производственные усилия. Некоторые «центральные люди» оказываются более успешными в противодействии неизбежно нарастающей волне негодования внутри группы. Быть может, это удастся им за счет личной харизмы, а возможно, за счет особенностей социальных условий, в которых они действуют¹⁵. Но единственная надежная защита позиции бигмена – некоторое снижение активности в накоплении «фонда вла-

сти». В противном случае ситуация складывается гораздо хуже. В антропологических анналах можно найти примеры не только махинаций бигменов и материальных лишений членов их групп ради славы лидера, но и того, как это переполняло чашу терпения последователей и порождало антагонизмы, измены, а в крайних случаях – и насильственную ликвидацию центрального человека¹⁶. Сталкиваясь с внутренними ограничениями, меланезийский политический режим бигменов останавливается в эволюционном развитии на определенном уровне.

Иными словами, устанавливаются потолок интенсификации политической власти, интенсификации домашнего производства политическими методами, а также отвлечения средств в пользу более широкой политической организации. В Полинезии эти ограничения были сломлены, и хотя полинезийские вождества тоже остановились на определенном уровне, этот уровень – выше меланезийского. Фундаментальные дефекты меланезийской системы были преодолены в Полинезии. Разделение на малый внутренний и больший внешний политические сектора, на котором основывалась вся политическая система бигменов, было подавлено в Полинезии ростом всеобъемлющего вождества-как-целого [enclaving chiefdom-at-large]. Порядок подчиненности низших вождей и групп высшим, на основе наследуемого социального ранга, превратил локальные блоки и группы последователей (которые в Меланезии политически независимы) всего лишь в зависимые части большого полинезийского вождества.

Таким образом, узамы, связующими полинезийское вождество, стало множество должностей, пирамида высших и низших вождей, управляющих большими и малыми частями политики. Действительно, система ранжированных и подразделенных линиджей (коницкая клановая система), на основе которой построена вся пирамида, может надстраиваться в несколько уровней иерархии и охватывать целый остров или группу островов. Хотя остров или архипелаг обычно были разделены между несколькими независимыми вождествами, линиджевые связи высокого уровня между ними, так же как и родственные связи между их главными вождями, предоставляли структурные возможности для по крайней мере временного расширения политического масштаба, для консолидации в еще большие вождества¹⁷.

Верховный вождь, так же как и вожди, контролировавшие части вождества, были настоящими должностными лицами и носителями титулов. Они не были, подобно меланезийским бигменам, «ловцами чело-веков»: они занимали руководящие позиции во главе постоянных групп. Гоноратив полинезийских вождей также имел отношение не к положению в межличностных отношениях, но к их лидерству в политическом подразделении – это «Принц датский», но не «принц среди людей». В Западной Меланезии более низкое или высокое персональ-

ное положение, возникающее в результате взаимоотношений отдельных людей, в решающей степени определяло политические структуры. В Полинезии возникли надличностные структуры лидерства и последования [followership] – организации, существование которых продолжалось вне зависимости от конкретных людей, занимавших в них то или иное положение на протяжении мимолетной человеческой жизни.

Полинезийские вожди не создавали своего общественного положения – они занимали уже готовые общественные посты. На некоторых островах люди боролись за должность наперекор воле и уловкам конкурентов. Но они приходили к власти. Власть принадлежала должности; она не являлась результатом демонстрации личного превосходства. На других островах – особенно знаменит в этом отношении Таити – порядок наследования должности вождя строго определялся врожденным рангом [inherent rank]. Правящий линидж управлял на основании генеалогической связи с божеством. Преемником вождя становился старший сын, у которого лидерство было «в крови». Для сравнения важно отметить: качества, которые должны были быть присущи человеку в Меланезии, которые нужно было лично демонстрировать с тем, чтобы привлечь последователей, – эти качества в Полинезии принадлежат должности и рангу. В Полинезии обладатели высокого ранга и должностей были *ipso facto* лидерами, а среди подданных такие качества – по умолчанию – отсутствовали. Магические силы, которые меланезийский бигмен мог приобрести для поддержания своего положения, полинезийский вождь наследовал благодаря божественному происхождению как *ману*, которая освящала его правление и оберегала его от рук простых смертных. Производственные способности, которые бигмен должен был трудолюбиво демонстрировать – данность для полинезийского вождя, выражающаяся в виде религиозного контроля над сельскохозяйственным плодородием, и остальные люди полагали, что их благополучие зависит от церемониального воплощения этого контроля. Там, где меланезийский лидер должен был овладеть убедительным ораторским стилем, полинезийские вожди часто имели специально подготовленных «говорящих вождей» [talking chiefs], чей голос доносил распоряжения вождя.

С полинезийской точки зрения, то, что вождь могуществен, – в самой природе вещей. Но это лишь подразумевает, что сила вождя – это сила группы, а не его самого. Его власть исходит от организации, от общего молчаливого согласия на его привилегии и от организованных средств поддержания этих привилегий. Своего рода парадокс заключен в эволюционном развитии, которое отделяет использование власти от необходимости демонстрировать личное превосходство: власть, исходящая от организации, повышает роль личного решения и осознанного планирования, увеличивает их сферу применения, влияние и эффектив-

ность. Полинезийская политическая система превосходит меланезийский порядок межличностного доминирования в части человеческого контроля над человеческими делами. Особенно значимыми для общества в целом были привилегии полинезийских вождей, делавшие их более эффективными архитекторами «фондов власти», чем любого из меланезийских бигменов.

Господа над своими людьми и «собственники», в титулярном смысле, ресурсов группы, полинезийские вожди имели право обращаться к труду и сельскохозяйственной продукции домохозяйств в своих владениях. Экономическая мобилизация не зависела, в отличие от Меланезии, от создания лидером *de novo* личных связей и экономических обязательств. Поскольку рычаги управления экономикой группы были наследственными, вождю не нужно было унижаться для того, чтобы обязать того или иного человека; ему не нужно было при помощи индивидуальных актов щедрости принуждать других к поддержке. Рассмотрим последствия, которые имели для «фонда власти» широко распространенные вождеские привилегии (связанные с титулярным владением землей) – накладывание табу и запрещений на сбор определенной культуры, резервирующее ее использование в коллективных проектах. При помощи табу вождь определяет направление производственного процесса: домохозяйства его владений должны обратиться к другим способам поддержания своего существования. Он дает стимул производству домохозяйства: в отсутствие запретов развитие новых видов деятельности не было бы необходимым. Важнее всего то, что вождь генерирует сельскохозяйственный прибавочный продукт [*surplus*], который может быть использован в политических целях. Впоследствии обращение к этому прибавочному продукту поддерживает институт вождества на плаву, превращает «фонд власти» в капитал. На некоторых островах полинезийские вожди контролировали огромные склады, в которых хранились товары, накопленные путем давления вождя на население. Туземец Давид Мало, один из великих хранителей гавайских преданий, удачно уловил политическое значение этих вождеских складов в своих известных *Hawaiian Antiquities*:

«Короли (т.е. верховные вожди отдельных островов) практиковали сокрытие складов, в которых хранились пища, рыба, *tapas* (одежда из коры), *malos* (мужские набедренные повязки), *ra-us* (женские набедренные повязки) и всевозможные другие товары. Эти склады были построены *Kalaimoku* (главным управляющим вождя) как средство поддерживать в людях чувство удовлетворенности, чтобы они не уходили от короля. Они были как корзины для ловли рыбы *hinalea*. *Hinalea* думает, что в корзине есть что-то интересное, и крутится вокруг. Так же и люди думали, что на складах есть еда – и не сводили глаз с короля. Как крыса никогда не оставит сундука, в котором, по ее мнению, есть еда, так люди не оставят короля, куда они думают, что на его складе найдется пища»¹⁸.

Редистрибуция «фонда власти» была величайшим искусством в полинезийской политике. Посредством тщательно спланированного *noblesse oblige* большой домен можно было сплачивать, организовывать для масштабных проектов, защищать от других вожеств и даже обогащать. Среди различных применений фонда вождя – пышное гостеприимство и развлечения для приезжих вождей и людей самого вождя, а также поддержка отдельных лиц или всего населения в периоды нужды в виде хлеба и зрелищ. Вожди субсидировали ремесла, продвигая этим разделение технического труда, беспрецедентное по размаху для большей части Океании. Они поддерживали также масштабные стройки, такие как возведение ирригационных комплексов, прибыль от которых в дальнейшем увеличивала «фонд власти». Они инициировали крупное строительство религиозных сооружений, субсидировали церемонии и обеспечивали проведение масштабных военных кампаний. Полинезийские «фонды власти», превосходящие западноmelанезийские аналоги по размеру и простоте пополнения, сделали возможным большее политическое регулирование большего количества социальных действий в больших масштабах.

В наиболее развитых полинезийских вожествах, таких как Гавайи и Таити, значительная часть «фонда власти» использовалась не на нужды общей редистрибуции [general redistribution], а на содержание института вожества. Средства из «фонда» выкачивались на содержание постоянного административного аппарата. В какой-то мере товары и услуги, вносимые населением, оседали в качестве больших домов, мест для собраний и храмовых построек в пределах вожества. Кроме того, они шли на содержание многочисленных слуг и приближенных, многие из которых были близкими родственниками вождя, собиравшимися вокруг верховных правителей. Не все из них были просто нахлебниками. Они составляли политический аппарат: смотрители складов, «говорящие вожди», церемониймейстеры, высшие жрецы (которые были тесно связаны с политическим управлением), посланники (разносившие директивы по всему вожеству). В этой свите – на Таити и, возможно, на Гавайях – были и профессиональные воины, которые могли быть использованы в качестве внутренних войск, опоры для борьбы с сепаратизмом и попытками восстаний в вожестве. Верховные вожди на Таити или Гавайях обладали более убедительными средствами, чем просто словами [harangue]. В их распоряжении была готовая физическая сила, вооруженный корпус карателей, который позволял господствовать, в особенности – над низшими слоями населения. И хотя эта свита на первый взгляд очень похожа на группу бигмена, она обладает фундаментальными отличиями. Во-первых, это окружение, которое экономически зависит от вождя, а не наоборот. Во-вторых, политически используя эти кадры в разных секциях вожества или против низших слоев,

полинезийские верховные вожди утверждали свою власть там, где меланезийский бигмен мог рассчитывать в лучшем случае на известность (т.е. в его «внешнем секторе»).

Нельзя сказать, что продвинутые полинезийские вождества были свободны от внутренних дефектов, от потенциальных или реальных сбоев. Крупный военно-политический аппарат свидетельствует скорее об обратном. То же показывает недавнее исследование Ирвинга Гольдмана¹⁹ (изучавшего интенсивность «статусного соперничества» в Полинезии), особенно если принять во внимание, что часто статусное соперничество в развитых вождествах (таких как Гавайское) представляло собой скорее народное восстание против деспотизма вождя, нежели простую борьбу за позицию в правящем слое. Это наводит на мысль, что полинезийские вождества (так же как и меланезийская система бигменов) наряду с эволюционным развитием порождают силы антивластной направленности, и эти силы могут затормозить дальнейшее развитие.

Полинезийское противоречие представляется достаточно ясным. С одной стороны, институт вождества никогда не отрывается от родства [from kinship moorings] и этики экономических отношений, присущей родству. Даже величайшие полинезийские вожди рассматривались в качестве верховных родственников масс, отцов народа, и щедрость была их моральной обязанностью. С другой стороны, верховные полинезийские вожди, по-видимому, были склонны, как говорят таитянки, «есть чересчур много правительственной [of the government] власти», перенаправляя слишком много общественного богатства на обеспечение вождеских учреждений²⁰. Такое перенаправление могло осуществляться путем сокращения традиционного уровня общей редистрибуции, уменьшения материальной отдачи вождества обществу в целом – такой причиной традиция объясняет великое восстание народа Mangareva²¹. Или перенаправление могло (подозреваю, что чаще всего так и происходило) состоять в более масштабных и более насильственных изъятиях у нижестоящих вождей и населения, увеличивающих доходы аппарата вождя без воздействия на уровень распределения в пользу масс. В любом случае, развитое вождество порождает тормозящий его развитие парадокс: обеспечивая свою власть, оно подогревает возмущение²².

На Гавайях и других островах циклы политической централизации и децентрализации могут быть извлечены из традиционных историй. Иными словами, крупные вождества периодически распадались на маленькие, а затем снова воссоздавались. Можно привести дополнительные свидетельства тенденции к перегрузке [overtax] политической структуры. Но как же объяснить возникновение преград на пути развития, неспособность поддерживать политический прогресс дальше опре-

деленного уровня? Недостаточно указать на пристрастие вождя к потреблению или на склонность полинезийцев к восстанию: само развитие вождества стимулирует эти тенденции. Рискнем предположить, что за этим стоит знаменитый закон Паркинсона: прогрессивное расширение политического масштаба влечет за собой рост руководящего аппарата, превышающий пропорциональный, нарушая равновесие в потоке материальных благ в пользу этого аппарата. Возникающее в результате этого возмущение умеряет аппетиты вождя, иногда уменьшая масштабы вождества до минимальных значений в рамках политического цикла. Сравнение издержек на содержание администрации в малых и больших вождествах Полинезии подтверждает этот вывод.

Малое вождество, ограниченное рамками узкой долины (как, например, на Маркизовых островах), может управляться почти персонально своим главой, находящимся в постоянном контакте с относительно небольшим населением. Отчасти романтизированное описание *Турее*, созданное Мелвиллом, показывает это достаточно ясно²³. Но великие полинезийские вожди должны были управлять куда более многочисленными и разбросанными на больших пространствах внутренне организованными населенными. Гавайи, остров площадью свыше четырех тысяч квадратных миль, с почти сотысячным туземным населением, временами был единым вождеством, а иногда был разделен на 2–6 независимых вождеств; каждое вождество всегда состояло из крупных подразделений, управляемых сильными подводьями [subchiefs]. Время от времени вождество на Гавайских островах выходило за пределы одного острова и включало часть другого острова посредством завоевания. Тогда вставала проблема координации таких обширных вождеств. Из них было необходимо централизованно выкачивать средства для пополнения «фонда власти»; их необходимо было поддерживать против внутренних беспорядков; иногда – собирать для дальних, подчас заморских военных предприятий. И все это было необходимо осуществлять при помощи устной коммуникации и средств передвижения, ограниченных каноэ и возможностями человеческого тела. (Размер некоторых больших вождеских организаций, вкупе с ограничениями в средствах связи и транспортировки, предполагает еще один возможный источник политического недовольства: тяготы по содержанию управленческого аппарата имеют тенденцию непропорционально ложиться на плечи тех групп, до которых верховному вождю легче добраться²⁴.) Тенденция развитых вождеств к разрастанию управленческих кадров, к утяжелению верхушки, в этих условиях кажется в целом функциональной, несмотря на то, что возникающий в результате этого отток богатств разрушителен для вождества. Таким же функциональным и одновременно разорительным для вождества в целом является растущий разрыв в образе жизни вождя и народа. Пышность жилища, орнамента-

ции, предметов роскоши, убранств и церемоний – короче, демонстративное потребление, каким бы исключительно эгоистичным оно ни казалось, всегда имеет более существенное социальное значение. Оно создает те вызывающие различия между управляющими и управляемыми, которые столь полезны для пассивного (и потому очень экономного!) признания власти. На протяжении всей истории куда более мощные, чем полинезийская, политические организации, с куда более обеспеченной логистикой управления, обращались к этому средству (включая современные нам, казалось бы, революционные и пролетарские правительства – вопреки всем дореволюционным лозунгам о солидарности с массами и равенстве классов).

Таким образом, в Полинезии, как и в Меланезии, политическая эволюция в конечном счете прекращается из-за перегрузки отношений между лидерами и их людьми. Однако трагедия Полинезии в некотором смысле противоположна меланезийской. В Полинезии эволюционный потолок был обусловлен изъятием у населения в целом в пользу приближенных вождя, в Меланезии – изъятием у приближенных бигмена для распределения в пользу населения в целом. Самое главное, что полинезийский потолок был выше. Меланезийские бигмены и полинезийские вожди не только отражают различные варианты и уровни политической эволюции, но и в разной степени демонстрируют способность генерировать и поддерживать политический прогресс.

Из этого сравнения особенно хорошо видно более значительное влияние полинезийских вождей на экономику, наличие у них большего количества рычагов воздействия на производство отдельных домохозяйств. Успех любой примитивной политической организации определяется именно контролем, который можно заполучить над их экономикой. Ибо домохозяйство – это не просто главная производственная единица в примитивных обществах, оно зачастую вполне способно автономно управлять своим производством и ориентировано на удовлетворение собственных потребностей, а не на общественное потребление. Более высокий потенциал полинезийской вождеской организации в точности соответствует большему давлению, которое она может оказать на производство домохозяйства, и способности генерировать прибавочный продукт, использовать его вне рамок домохозяйства, направляя на более широкое разделение труда, совместное строительство, массовые церемониальные и военные акции. Полинезийские вожди были более эффективным средством общественного сотрудничества на экономическом, политическом, да и вообще на всех культурных фронтах. Быть может, мы на протяжении слишком долгого времени смотрели на иерархию и власть с точки зрения вовлеченных индивидуумов, а не с точки зрения всего общества, будто бы секрет подчинения человека человеку заключается в личном удовлетворении от осуществления

власти. Так же и причины провалов и пределов эволюции мы искали в людях, в «слабых» королях и диктаторах-мегаломаньяках – это вечное «кто виноват?». Экскурс в область примитивной политики подсказывает более плодотворную концепцию: выгоды политического развития в большей степени достаются обществу, чем индивидуумам, равно как и провалы – это провалы структуры, а не людей.

Примечания

¹ Со времен Риверса Тихоокеанский регион служил этнографическим стимулом едва ли не для каждой этнологической школы или сообщества. По таким великим столпам, как *History of Melanesian Society* Риверса, *Social Organization of Australian Tribes* Рэдклиффа-Брауна, знаменитых тробрианских исследований Малиновского (особенно *Argonauts of the Western Pacific*), основополагающей работы Раймонда Фирта *Primitive Economics of the New Zealand Maori*, его классического функционалистского труда *We, the Tikopia and Coming of Age in Samoa* Маргарет Мид можно, в общем-то, получить ясное представление об истории этнологической теории в раннем XX в. Кроме того, Тихоокеанский регион является местом действия многих современных эволюционистских исследований (см., например: Goldman 1955, 1960; Goodenough 1957; Sahlins 1958; Vayda 1959). Есть также выдающиеся монографии по отдельным вопросам, от тропического земледелия (Conklin 1957; Freeman 1955) до миллениаризма (Worsley 1957).

² Этот вопрос, однако, все еще является предметом дискуссии (см., например: Grace 1955, 1959; Dyen 1960; Suggs 1960; Golson 1961).

³ Существуют значительные скачки в этом географическом градиенте. На память приходят вождеские организации Тробрианских островов на востоке от Новой Гвинеи. Но тробрианское политическое развитие – очевидное исключение для Западной Меланезии.

⁴ (Hogbin, Wedgwood 1952–1953, 1953–1954). По политическому масштабу на Центральном хребте Новой Гвинеи см. среди прочего (Paula Brown 1960).

⁵ См. сводную информацию в (Sahlins 1958), особенно с. 132–133.

⁶ (Kirchhoff 1955; Firth 1957; Fried 1957; Goldman 1957; Bacon 1958).

⁷ Бигменовская модель очень широко встречается в Западной Меланезии, однако полная картина ее распространения мне еще не ясна. Антропологические описания лидерства бигмена варьируются от намеков на его существование, как среди Orokaiva (Williams 1930), Lesu (Powdermaker 1933) или внутреннего населения северо-восточного Гуадалканала (Hogbin 1937–1938a), вплоть до превосходных, хорошо проработанных исследований, таких как работа Дугласа Оливера по Siuai of Bougainville (Oliver 1955). Лидерство бигмена более или менее полно описано для случая Manus островов Адмиралтейства (Mead 1934, 1937); To'ambaita в Северной Малаите (Hogbin 1939, 1943–1944); Tangu в северо-восточной Новой Гвинее (Burridge 1960); Карауку Центрального хребта Новой Гвинеи (Pospisil 1958, 1959–1960), Каока Гуадалканала (Hogbin 1933–1934, 1937–1938); округа Seniang Малекулы (Deacon 1934); Gawa района залива Хьюон Новой Гвинеи (Hogbin 1951); Abelan (Kaberry 1940–1941, 1941–1942) и Agarash (Mead, 1937a, 1938, 1947) округа Sepik Новой Гвинеи (Williams 1940); Elema залива Ороколо Новой Гвинеи; Ngarawarum долины Маркхам, Новая Гвинея (Read 1946–1947, 1949–1950); Kiwai долины реки Флай, Новая Гвинея (Landtman 1927); а также для ряда других обществ, в том числе в районе Центрального хребта Новой Гвинеи, Kuma (Reay 1959), Gahuka-Gama (Read 1952–1953, 1959), Куака (Bulmer 1960–1961), Enga (Meggitt 1957, 1957–1958) и др. (В качестве обзора структурного положения лидеров новогвинейского Центрального хребта см.: (Barnes 1962).) Неполную библиографию по полинезийской вождеской организации см. в Sahlins 1958. Блестящее этнографическое описание полинезийской вождеской организации, конечно же – Фирт для

Тикопиа (Firth 1950, 1957); Тикопиа, однако, нетипично для более продвинутых полинезийских вожеств, которые мы здесь обсуждаем.

⁸ (Gifford 1929: 124).

⁹ Так, заключенность паттерна бигмена в рамки сегментированной линиджевой организации на новогвинейском Центральном хребте ограничивает политическую роль и авторитет лидера по сравнению, например, с Suiuai. На Центральном хребте межгрупповые отношения отчасти регулируются сегментированной линиджевой структурой; среди Suiuai межгрупповые отношения зависят больше от соглашений между бигменами, что делает их более значимыми личностями. (В этой связи примечательна большая жизнеспособность бигменов Suiuai по сравнению с туземными лидерами Центрального хребта перед лицом колониального контроля.) Сравнение Барнесом (Barnes 1962) социальной структуры Центрального хребта с классической сегментированной линиджевой системой Африки подсказывает обратную зависимость между строгостью линиджевой системы и политической значимостью индивидуальных действий. Если добавить к сравнению примеры типа Suiuai, то это обобщение можно поддержать и расширить: среди обществ уровня племени (ср. Sahlins 1961, *Service в печати*) чем больше саморегуляция политических процессов посредством линиджевой системы, тем меньше функций остается у бигменов, и тем менее велик их политический вес.

¹⁰ (Hogbin 1943–1944: 258).

¹¹ (Oliver 1955: 408). Ср. с аналогичным утверждением по поводу Каока Гуадалканала в (Hogbin 1937–1938: 305).

¹² (Pospisil 1958: 81).

¹³ Сложно сказать, насколько важны полководческие качества для лидерства в Меланезии, так как этнографические исследования обычно проводятся после установления мира, зачастую – значительно позже. Я могу недооценивать этот фактор. Ср.: (Bromley 1960).

¹⁴ (Landtman 1927: 168).

¹⁵ На самом деле те же Suiuai, которые столь явно заявляют о том, что «питаются славой своего лидера», готовы переносить притеснения без насильственного сопротивления – во всяком случае, пока лидер находится на гребне успеха см.: (Oliver 1955: 362, 368, 387, 394).

¹⁶ «В регионе Озер Paniai люди доходят до убийства эгоистичного богача по причине его “аморальности”. Его сыновей или братьев сообщество вынуждает к тому, чтобы первыми пустить смертоносную стрелу. “*Aki to tonowi beu, inii idikima enadani kodo to niitou* (ты не должен быть единственным богачом, мы все должны быть одинаковыми, поэтому ты останешься равным нам)”, – так объясняли Paniai убийство Mote Juworija of Madi, *tonowi* (“бигмен” на языке Карпауку), который был недостаточно щедр» (Pospisil 1958: 80; ср. с. 108–110). По поводу других эгалитаристских заговоров см. (Hogbin 1951: 145), а по поводу других аспектов меланезийского противоречия см., например: (Hogbin 1939: 81; Burrige 1960: 18–19; Reay 1959: 110, 129–130).

¹⁷ Помимо переходных форм в Восточной Меланезии, несколько западномеланезийских обществ достигли уровня структурного развития, занимающего промежуточное положение между недоразвитыми меланезийскими политиями и полинезийскими вожествами. В этих западномеланезийских протовождествах возникает предписанное [ascribed] разделение родовых групп (или их сегментов) на вождеские и невождеские ранги – как в Са’а (Ivens 1927), вокруг перевала Бука (Blackwood 1935), на островах Манам (Wedgwood 1933–1934, 1958–1959), Варопен (Held 1957), может быть на Мафулу (Williamson 1912) и на некоторых других. Ранговая система не идет дальше грубого дуалистического разделения групп на вождеские и невождеские: не возникает пирамиды ранжированных социополитических подразделений, соответствующих полинезийским линиям. Размер политической единицы остается на уровне среднего западномеланезийского автономного сообщества. Господство над родовыми группами такого локального образования автоматически принадлежит вождеской единице, но вожди не занимают должности с соответствующими полномочиями над корпоративны-

ми частями общества, и дальнейшее расширение вождеской власти, если присутствует, должно быть завоевано. Тробрианцы, которые довели эту линию вождеского развития до наивысшей точки, остаются в рамках тех же ограничений, хотя сильным вождям вполне удавалось интегрировать поселения внешнего сектора в свои владения ср.: (Powell 1960).

¹⁸ (Malo 1903: 257–258).

¹⁹ (Goldman 1955, 1957, 1960).

²⁰ Великим таитянским вождям традиционно советовалось не переезжать правительственной власти, равно как и быть щедрыми к людям (Handy 1930: 41). Гавайские высшие вожди получали такие же советы (Malo 1903: 255).

²¹ (Buck 1938: 70–77, 160, 165).

²² Гавайские традиции весьма ясно показывают, как изъятие вождем провоцирует восстания, хотя один из наших главнейших источников гавайской традиции, Давид Мало, дает наиболее трезвую оценку этим свидетельствам. «Мне не кажется, – пишет он в предисловии к *Hawaiian Antiquities*, – что нижеследующая история свободна от ошибок, так как материал передавался в устной традиции; как следствие, он искажен человеческими суждениями и далек от точности слова Божия».

Мало отметил, что «многие короли были лишены жизни людьми из-за угнетения *makaainana* (т.е. простолюдинов)». Он продолжает перечислять нескольких, кто «лишился жизни ввиду жестоких изъятий», и сопровождает список утверждением: «Именно по этой причине некоторые древние короли здраво опасались людей». Склонность гавайских высших вождей к непомерному изъятию у простолюдинов вновь и вновь отмечается Мало (см.: с. 85, 87–88, 258, 267–268). В выполненной Форнандером реконструкции гавайской истории (базирующейся на традициях и генеалогиях) внутренние восстания часто приписываются вождеским вымогательствам и жадности (Fornander 1880: 40–41, 76–78, 88, 149–150, 270–271). Кроме того, Форнандер местами связывает присвоение богатств и вытекающие отсюда восстания с обеспечением вождеских учреждений, как в этом отрывке: «Нехватка продовольствия через некоторое время вынудила *Kalaniopuu* (верховного вождя острова Гавайи и сводного брата отца *Kamehameha I*) переместить свой двор (из района Кона) в район Кохала, где его штаб разместился в Капау. Здесь продолжился тот же самый экстравагантный принцип *laissez-faire* – “ешь и веселись”, который начался в Кона, и недовольство и ворчание заявили о себе среди местных вождей и земледельцев, “*Makainana*”. *Imakakaloa*, великий вождь района Пуна, и *Nuamprahu* в районе Наалеху в округе Кау, стали центрами притяжения для недовольных. Первый из них проживал на своих землях в Пуне (на юго-востоке, через остров от Кохалы на северо-запад), и открыто противился как приказам *Kalaniopuu*, так и его экстравагантным запросам по обложению всех видов собственности; последний был при дворе *Kalaniopuu* в Кохале, но подозревался в симпатии к растущему недовольству» (Fornander 1880: 200). Помимо восстания *Mangarevan*, упомянутого в тексте, есть некоторые сведения о схожих выступлениях в Тонге (Mariner 1827: 80; Thomson 1894: 294f) и Таити (Henry 1928: 195–196, 297).

²³ Или см.: (Handy 1923; Linton 1939).

²⁴ По поводу сложностей в обеспечении обширных учреждений гавайского верховного вождя, см. цитату из Форнандера, указанную выше, и также (Fornander 1880: 100–101; Malo 1903: 92–93), *et passim*. Гавайские великие вожди развили практику объезда [circuit] – как феодальные монархи – зачастую сея на своем пути нужду при перемещении из одного района вождества в другой.

Литература

- Bacon E.* Obok: A Study of Social Structure in Eurasia. New York: The Wenner-Gren Foundation, 1958.
- Barnes J.A.* African Models in the New Guinea Highlands // *Man*. 1962. Vol. 62 (2). P. 5–9.

- Blackwood B.* Both Sides of Buka Passage. Oxford, 1935.
- Bromley M.* A Preliminary Report on Law Among the Grand Valley Dani of Netherlands New Guinea // *Nieuw Guinea Studien*. 1960. № 4. P. 235–259.
- Brown P.* Chimbu Tribes: Political Organization in the Eastern Highlands of New Guinea // *Southwestern Journal of Anthropology*. 1960. № 16. P. 22–35.
- Buck P.* Ethnology of Mangareva. Honolulu, 1938.
- Bulmer R.* Political Aspects of the Moka Exchange System Among the Kyaka People of the Western Highlands of New Guinea // *Oceania*. 1960–1961. № 31. P. 1–13.
- Burridge K.* Mambu: A Melanesian Millenium. London: Methuen & Co, 1960.
- Conklin H.* Hanunoó Agriculture. Rome: Food and Agricultural Organization of the United Nations, 1957.
- Deacon B.* Malekula: A Vanishing People in the New Hebrides. London: Geo. Routledge and Sos, 1934.
- Dyen I.* Review of The Position of the Polynesian Languages within the Austronesian (Malaya-Polynesian) Language Family (by George W. Grace) // *Journal of the Polynesian Society*. 1960. № 69. P. 180–184.
- Firth R.* Primitive Polynesian Economy. New York, 1950.
- Firth R.* We, the Tikopia. London: Allen and Unwin, 1957.
- Forrander A.* An Account of the Polynesian Race. London: Trübner, 1880. Vol. 2.
- Freeman J.D.* Iban Agriculture. London: Her Majesty's Stationery Office, 1955.
- Fried M.H.* The Classification of Corporate Unilineal Descent Groups // *Journal of the Royal Anthropol. Instit.* 1957. № 87. P. 1–29.
- Gifford E.W.* Tongan Society. Honolulu, 1929.
- Goldman I.* Status Rivalry and Cultural Evolution in Polynesia // *American Anthropologist*. 1955. № 57. P. 680–697.
- Goldman I.* Variations in Polynesian Social Organization // *Journal of the Polynesian Society*. 1957. № 66. P. 374–390.
- Goldman I.* The Evolution of Polynesian Societies // *Culture and History* / ed. S. Diamond. New York: Columbia University Press, 1960.
- Golson J.* Polynesian Culture History // *Journal of the Polynesian Society*. 1961. № 70. P. 498–508.
- Goodenough W.* Oceania and the Problem of Controls in the Study of Cultural and Human Evolution // *Journal of the Polynesian Society*. 1957. № 66. P. 146–155.
- Grace G.* Subgroupings of Malayo-Polynesian: A Report of Tentative Findings // *American Anthropologist*. 1955. № 57. P. 337–339.
- Grace G.* The Position of the Polynesian Languages within the Austronesian (Malayo-Polynesian) Family. Baltimore: Waverly Press, 1959.
- Handy E.S.* Craighill, The Native Culture in the Marquesas. Honolulu, 1923.
- Handy E.S.* History and Culture in the Society Islands. Honolulu, 1930.
- Held G.J.* The Papuas of Waropen. The Hague: Martinus Nijhoff, 1957.
- Henry T.* Ancient Tahiti. Honolulu, 1928.
- Hogbin H.I.* Culture Change in the Solomon Islands: Report of Field Work in Guadalcanal and Malaita // *Oceania*. 1933–1934. № 4. P. 233–267.
- Hogbin H.I.* Social Advancement in Guadalcanal, Solomon Islands // *Oceania*. 1937–1938. № 8. P. 289–305.
- Hogbin H.I.* The Hill People of North-eastern Guadalcanal // *Oceania*. 1937–1938a. № 8. P. 62–89.
- Hogbin H.I.* Experiments in Civilization. London: Geo. Routledge and Sos, 1939.
- Hogbin H.I.* Native Councils and Courts in the Solomon Islands // *Oceania*. 1943–1944. № 14. P. 258–283.
- Hogbin H.I.* Transformation Scene: The Changing Culture of a New Guinea Village. London: Routledge and Kegan Paul, 1951.

- Hogbin H., Wedgwood C.* Local Groupings in Melanesia // *Oceania* 1952–1953, 1953–1954. № 23. P. 241–276; № 24. P. 58–76.
- Ivens W.G.* Melanesians of the Southeast Solomon Islands. London: Kegan, Paul, Trench, Trubner and Co, 1927.
- Kaberry P.M.* The Abelam Tribe, Sepik District, New Guinea: a Preliminary Report // *Oceania*. 1940–1941. № 11. P. 233–258, 345–367.
- Kaberry P.M.* Law and Political Organization in the Abelam Tribe” Report // *Oceania*. 1941–1942. № 12. P. 79–95, 209–225, 331–363.
- Kirchhoff P.* The Principles of Clanship in Human Society // *Davidson Anthropological Journal*. 1955. № 1. P. 1–11.
- Landtman G.* The Kiwai Papuans of British New Guinea. London: Macmillan, 1927.
- Linton R.* Marguesan Culture. New York: Columbia University Press, 1939.
- Malo D.* Hawaiian Antiquities. Honolulu: Hawaiian Gazette Co, 1903.
- Mariner W.* An Account of the Natives of the Tonga Islands. Edinburgh: Constable & Co, 1827.
- Mead M.* Kinship in the Admiralty Islands // *Amer. Mus. Nat. Hist. Anthropol. Papers*. 1934. № 34. P. 181–358.
- Mead M.* The Manus of the Admiralty Islands // *Cooperation and Competition among Primitive Peoples* / ed. M. Mead. New York; London: McGraw-Hill, 1937.
- Mead M.* The Arapesh of New Guinea // *Cooperation and Competition Among Primitive Peoples* / ed. M. Mead. New York and London: McGraw-Hill, 1937a.
- Mead M.* The Mountain Arapesh I. An Importing Culture // *Amer. Mus. Nat. Hist. Anthropol. Papers*. 1938. № 36. P. 139–349.
- Mead M.* The Mountain Arapesh III. Socio-Economic Life // *Amer. Mus. Nat. Hist. Anthropol. Papers*. 1947. № 40. P. 159–232.
- Meggitt M.* Enga Political Organization: A Preliminary Description // *Mankind*. 1957. № 5. P. 133–137.
- Meggitt M.* The Enga of the New Guinea Highlands: Some Preliminary Observations // *Oceania*. 1957–1958. № 28. P. 253–330.
- Oliver D.* A Solomon Islands Society. Cambridge: Harvard University Press, 1955.
- Pospisil L.* Kapauku Papuans and Their Law. New Haven: Yale University Press, 1958.
- Pospisil L.* The Kapauku Papuans and their Kinship Organization // *Oceania*. 1958–1959. № 30. P. 188–205.
- Powdermaker H.* Life in Lesu. New York: W.W. Norton, 1933.
- Powell H.A.* Competitive Leadership in Trobriand Political Organization // *Journal Royal Anthropol. Instit.* 1960. № 90. P. 118–145.
- Read K.E.* Social Organization in the Markham Valley, New Guinea // *Oceania*. 1946–1947. № 17. P. 93–118.
- Read K.E.* The Political System of the Ngarawapum // *Oceania*. 1949–1950. № 20. P. 185–223.
- Read K.E.* The Nam a Cult of the Central Highlands, New Guinea // *Oceania*. 1952–1953. № 23. P. 1–25.
- Read K. E.* Leadership and Consensus in a New Guinea Society // *American Anthropologist*. 1959. № 61. P. 425–436.
- Reay M.* The Kuma. Melbourne: Melbourne University Press, 1959.
- Sahlins M.D.* Social Stratification in Polynesia. Seattle: University of Washington Press, 1958.
- Sahlins M.D.* The Segmentary Lineage: An Organization of Predatory Expansion // *American Anthropologist*. 1961. № 63. P. 322–345.
- Service E.R.* Primitive Social Organization: An Evolutionary Perspective. New York: Random House, in press (1962).
- Suggs R.C.* Ancient Civilizations of Polynesia. New York: Mentor, 1960.

- Thomson B. *The Diversions of a Prime Minister*. Edinburgh and London: William Blackwood & Sos, 1894.
- Vayda A.P. Polynesian Cultural Distributions in New Perspective // *American Anthropologist*. 1959. № 61. P. 817–828.
- Wedgwood C.H. Report on Research in Manam Island, Mandated Territory of New Guinea // *Oceania*. 1933–1934. № 4. P. 373–403.
- Wedgwood C.H. Manam Kinship // *Oceania*. 1958–1959. № 29. P. 239–256.
- Williams F.E. *Orokaiva Society*. Oxford University Press, London: Humphrey Milford, 1930.
- Williams F.E. *Drama of Orokololo*. Oxford: Clarendon Press, 1940.
- Williamson R.W. *The Mafulu: Mountain People of British New Guinea*. London: Macmillan, 1912.
- Worsley P. *The Trumpet Shall Sound*. London: Macgibbon and Kee, 1957.

Перевод с английского С.С. Будзинского и И.А. Кирпичникова

Статья поступила в редакцию журнала 4 июня 2017 г.

Sahlins Marshall D.

POOR MAN, RICH MAN, BIG-MAN, CHIEF: POLITICAL TYPES IN MELANESIA AND POLYNESIA (Translated from English by Budzinskiy Stanislav S., Kirpichnikov Ivan A.)

DOI: 10.17223/2312461X/19/3

Abstract. The readers are invited to familiarise themselves with one of the most well-known and influential texts in political anthropology, that is, the article entitled ‘Poor Man, Rich Man, Big-Man, Chief: Political Types in Melanesia and Polynesia’ (1963) by Marshall D. Sahlins offered here in Russian translation. Drawing on his materials from Oceania, the author describes two ‘ideal and typical’ forms of chiefdom embodied by the figures of Melanesian ‘big-man’ and Polynesian ‘chief’.

Keywords: political anthropology, neoevolutionism, big-man, chiefdom, Oceania

References

- Bacon E. *Obok: A Study of Social Structure in Eurasia*. New York: The Wenner-Gren Foundation, 1958.
- Barnes J.A. African Models in the New Guinea Highlands, *Man*, 1962, Vol. 62 (2), pp. 5–9.
- Blackwood B. *Both Sides of Buka Passage*. Oxford, 1935.
- Bromley M. A Preliminary Report on Law Among the Grand Valley Dani of Netherlands New Guinea, *Nieuw Guinea Studien*, 1960, no. 4, pp. 235–259.
- Brown P. Chimbu Tribes: Political Organization in the Eastern Highlands of New Guinea, *Southwestern Journal of Anthropology*, 1960, no. 16, pp. 22–35.
- Buck P. *Ethnology of Mangareva*. Honolulu, 1938.
- Bulmer R. Political Aspects of the Moka Exchange System Among the Kyaka People of the Western Highlands of New Guinea, *Oceania*, 1960–61, no. 31, pp. 1–13.
- Burridge K. *Mambu: A Melanesian Millenium*. London: Methuen & Co, 1960.
- Conklin H. *Hanunoó Agriculture*. Rome: Food and Agricultural Organization of the United Nations, 1957.
- Deacon B. *Malekula: A Vanishing People in the New Hebrides*. London: Geo. Routledge and Sos, 1934.
- Dyen I. Review of The Position of the Polynesian Languages within the Austronesian (Malaya-Polynesian) Language Family (by George W. Grace), *Journal of the Polynesian Society*, 1960, no. 69, pp. 180–184.
- Firth R. *Primitive Polynesian Economy*. New York, 1950.

- Firth R. *We, the Tikopia*. London: Allen and Unwin, 1957.
- Fornander A. *An Account of the Polynesian Race*. Vol. 2. London: Trübner, 1880.
- Freeman J.D. *Iban Agriculture*. London: Her Majesty's Stationery Office, 1955.
- Fried M.H. The Classification of Corporate Unilineal Descent Groups, *Journal of the Royal Anthropol. Instit.* 1957, no. 87, pp. 1–29.
- Gifford E.W. *Tongan Society*. Honolulu, 1929.
- Goldman I. Status Rivalry and Cultural Evolution in Polynesia, *American Anthropologist*, 1955, no. 57, pp. 680–697.
- Goldman I. Variations in Polynesian Social Organization, *Journal of the Polynesian Society*, 1957, no. 66, pp. 374–390.
- Goldman I. The Evolution of Polynesian Societies. In: *Culture and History* (S. Diamond, ed.). New York: Columbia University Press, 1960.
- Golson J. Polynesian Culture History, *Journal of the Polynesian Society*, 1961, no. 70, pp. 498–508.
- Goodenough W. Oceania and the Problem of Controls in the Study of Cultural and Human Evolution, *Journal of the Polynesian Society*, 1957, no. 66, pp. 146–155.
- Grace G. Subgroupings of Malayo-Polynesian: A Report of Tentative Findings, *American Anthropologist*, 1955, no. 57, pp. 337–339.
- Grace G. *The Position of the Polynesian Languages within the Austronesian (Malayo-Polynesian) Family*. Baltimore: Waverly Press, 1959.
- Handy E.S. *Craigihill, The Native Culture in the Marquesas*. Honolulu, 1923.
- Handy E.S. *History and Culture in the Society Islands*. Honolulu, 1930.
- Held G.J. *The Papuas of Waropen*. The Hague: Martinus Nijhoff, 1957.
- Henry T. *Ancient Tahiti*. Honolulu, 1928.
- Hogbin H.I. Culture Change in the Solomon Islands: Report of Field Work in Guadalcanal and Malaita, *Oceania*, 1933–34, no. 4, pp. 233–267.
- Hogbin H.I. Social Advancement in Guadalcanal, Solomon Islands, *Oceania*, 1937–38, no. 8, pp. 289–305.
- Hogbin H.I. The Hill People of North-eastern Guadalcanal, *Oceania*, 1937–38a, no. 8, pp. 62–89.
- Hogbin H.I. *Experiments in Civilization*. London: Geo. Routledge and Sos, 1939.
- Hogbin H.I. Native Councils and Courts in the Solomon Islands, *Oceania*, 1943–44, no. 14, pp. 258–283.
- Hogbin H.I. *Transformation Scene: The Changing Culture of a New Guinea Village*. London: Routledge and Kegan Paul, 1951.
- Hogbin H., Wedgwood C. Local Groupings in Melanesia, *Oceania*, 1952–1953, 1953–1954, no. 23, pp. 241–276; no. 24, pp. 58–76.
- Ivens W.G. *Melanesians of the Southeast Solomon Islands*. London: Kegan, Paul, Trench, Trubner and Co, 1927.
- Kaberry P.M. The Abelam Tribe, Sepik District, New Guinea: a Preliminary Report, *Oceania*, 1940–1941, no. 11, pp. 233–258, 345–367.
- Kaberry P.M. Law and Political Organization in the Abelam Tribe” Report, *Oceania*, 1941–1942, no. 12, pp. 79–95, 209–225, 331–363.
- Kirchhoff P. The Principles of Clanship in Human Society, *Davidson Anthropological Journal*, 1955, no. 1, pp. 1–11.
- Landtman G. *The Kiwai Papuans of British New Guinea*. London: Macmillan, 1927.
- Linton R. *Marguesan Culture*. New York: Columbia University Press, 1939.
- Malo D. *Hawaiian Antiquities*. Honolulu: Hawaiian Gazette Co, 1903.
- Mariner W. *An Account of the Natives of the Tonga Islands*. Edinburgh: Constable & Co, 1827.
- Mead M. Kinship in the Admiralty Islands, *Amer. Mus. Nat. Hist. Anthropol. Papers*, 1934, no. 34, pp. 181–358.

- Mead M. The Manus of the Admiralty Islands. In: *Cooperation and Competition among Primitive Peoples* (M. Mead, ed.). New York and London: McGraw-Hill, 1937.
- Mead M. The Arapesh of New Guinea. In: *Cooperation and Competition Among Primitive Peoples* (M. Mead, ed.). New York and London: McGraw-Hill, 1937a.
- Mead M. The Mountain Arapesh I. An Importing Culture, *Amer. Mus. Nat. Hist. Anthrop. Papers*, 1938, no. 36, pp. 139–349.
- Mead M. The Mountain Arapesh III. Socio-Economic Life, *Amer. Mus. Nat. Hist. Anthrop. Papers*, 1947, no. 40, pp. 159–232.
- Meggitt M. Enga Political Organization: A Preliminary Description, *Mankind*, 1957, no. 5, pp. 133–137.
- Meggitt M. The Enga of the New Guinea Highlands: Some Preliminary Observations, *Oceania*, 1957–1958, no. 28, pp. 253–330.
- Oliver D. *A Solomon Islands Society*. Cambridge: Harvard University Press, 1955.
- Pospisii L. *Kapauku Papuans and Their Law*. New Haven: Yale University Press, 1958.
- Pospisii L. The Kapauku Papuans and their Kinship Organization, *Oceania*, 1958–1959, no. 30, pp. 188–205.
- Powdermaker H. *Life in Lesu*. New York: W. W. Norton, 1933.
- Powell H.A. Competitive Leadership in Trobriand Political Organization, *Jour. Royal Anthrop. Instit.* 1960, no. 90, pp. 118–145.
- Read K.E. Social Organization in the Markham Valley, New Guinea, *Oceania*, 1946–1947, no. 17, pp. 93–118.
- Read K.E. The Political System of the Ngarawapum, *Oceania*, 1949–1950, no. 20, pp. 185–223.
- Read K.E. The Nam a Cult of the Central Highlands, New Guinea, *Oceania*, 1952–53, no. 23, pp. 1–25.
- Read K.E. Leadership and Consensus in a New Guinea Society, *American Anthropologist*, 1959, no. 61, pp. 425–436.
- Reay M. *The Kuma*. Melbourne: Melbourne University Press, 1959.
- Sahlins M.D. *Social Stratification in Polynesia*. Seattle: University of Washington Press, 1958.
- Sahlins M.D. The Segmentary Lineage: An Organization of Predatory Expansion, *American Anthropologist*, 1961, no. 63, pp. 322–345.
- Service E.R. *Primitive Social Organization: An Evolutionary Perspective*. New York: Random House, in press (1962).
- Suggs R.C. *Ancient Civilizations of Polynesia*. New York: Mentor, 1960.
- Thomson B. *The Diversions of a Prime Minister*. Edinburgh and London: William Blackwood & Sos, 1894.
- Vayda A.P. Polynesian Cultural Distributions in New Perspective, *American Anthropologist*, 1959, no. 61, pp. 817–828.
- Wedgwood C.H. Report on Research in Manam Island, Mandated Territory of New Guinea, *Oceania*, 1933–1934, no. 4, pp. 373–403.
- Wedgwood C.H. Manam Kinship, *Oceania*, 1958–1959, no. 29, pp. 239–256.
- Williams F.E. *Orokaiva Society*. Oxford University Press, London: Humphrey Milford, 1930.
- Williams F.E. *Drama of Orokololo*. Oxford: Clarendon Press, 1940.
- Williamson R.W. *The Mafulu: Mountain People of British New Guinea*. London: Macmillan, 1912.
- Worsley P. *The Trumpet Shall Sound*. London: Macgibbon and Kee, 1957.